

Блаженны, кто верует, — искренней веры не тронь,
хотя сомневается здравая мысль и сегодня...
Нисходит с высоких небес Благодатный огонь
на светлую Пасху в кувуклию Гроба Господня.
Волною духовною или телесной рукой, —
невидимо тем, кто в надежде огня ожидает, —
и вновь разливается чистое пламя рекой
и радостных лиц озаряемых не обжигает...

По равновеликим краям материнской земли,
на волю ветров полагаясь и вышнюю волю,
порой молодою мы тоже зажгли и сожгли
страстей и желаний немереных добрую долю.
Но смысла завидовать нынешней юности нет,
без точки страница, не время ещё устранишься —
не молниеносный и не ослепительный свет
яснее горит и ровней на дорогу струится.

Души не травы и смятенного сердца не рви.
Кто истинно ведает: вечное — не за горами, —
поймёт, сколько в ярое пламя добавит любви,
чтоб и маловерные лицами не обгорали.

ЗЛАТОУСТ

*Девятого февраля 2013 года в
Екатеринбурге вновь зазвонил
1000-пудовый колокол взорванного
в 1930 году и воссозданного храма
“Большой Златоуст”.*

Снова звонят на Большом Златоусте —
нота басовая издадека...
Словно к истоку приблизилось устье
сквозь неизменные облака.

Словно и не помышляя о плате,
в прежнюю время легло колею...
Бабушку вряд ли узнаю мою
девочкою в гимназическом платье...

Словно задумано миром и градом,
чтобы, в библейские святцы вписав
имя, ко слуху притёртое, рядом
со Златоустом стоял ДОСААФ.

Словно эпоха ещё не разъята,
сталью военной не стала руда,
и не вещает опять холода
нам краснокожее тело заката.

Словно живём высоко и уютно,
на ночь листовая бульварный роман...
Если подыметесь ветер наутро —
сонных к чему призовёт Иоанн?

ЛЕТО 2014 ГОДА

Это стылое лето спиши с календарного счёта
за тяжёлую землю и лёгкую хрипоту.
Примороженный ветер, как струйка холодного пота,
опускается медленно по становому хребту.

Разливанные хляби замотаны волглой рваниной,
день за днём астрономия недобровольно слепа.
И не верится в ясное небо над Русской равниной
и в горящие от реактивного града хлеба.

На восходе боры полыхают, на западе — степи,
и пока затяжные дожди остужают, кропя,
золотые стволы и налитые зеленью стебли,
у раскинутой кроны обугливаются края...

* * *

“Не пой, красавица, при мне...”

Не пой, молодая, при мне
ты песен о старой войне —
бурьяне, тумане и пыли...
С почти вековой глубины
едва различимо слышны
далёкие боли и были.

Окатыши горьких побед,
и мы уже таем на нет
на бруствере тысячелетья,
поросшие мохом-травой...
А вслед за Второй мировой
просматривается Третья.

И, как в неурочный Покров,
поверх городов и голов
потомков, известно любимых —
не ангелы, не мертвецы,
но вечно живые бойцы
из давних семейных альбомов.

Мол, братья, кончай ночевать:
не время ещё почивать,
пролёживать Боговы лавки —
пора собираться опять
в небесную русскую рать
из необратимой отставки...

Бог знает: пора — не пора.
Опять холодают ветра,
а думали: лето в кармане...
Мелодия вроде проста,
да не удаётся с листа,
но если душа не пуста,
мы вместе споём о тумане.

* * *

*Снайперу Свердловского СОБРа
Екатерине Наговицыной*

Тёзка тёщи моей — мы уже вполонину родные,
а по виду и вовсе за старшую дочку сойдёшь,
но майорские звёздочки и кругляши наградные
не дают по-отечески сетовать на молодёжь.

Доля женщины — ждатель: убеждённо, спокойно, упёрто —
и сказать долгожданному: я постелила — ложись...
Ты взяла бы любые призы по стрелковому спорту,
да на полную ставку работаешь: жизнь — или жизнь.

Поднимаешь заздравную не за любовь — за удачу,
но подмогою случаю — знание горной войны...
Время снайперу сыщёт всегда боевую задачу,
не позволит ему разъедающей дух слабине.

Поживём — поглядим, как сойдутся над нами светила
и нальётся ли будущий день несусветною тьмой.
Осторожно надеюсь, что ты за столом пошутила,
намекая, что вслед за семнадцатым — тридцать седьмой.

Упаси нас от гнева, Всевышний, на будничном торге
и желания ближнему дырку пробить в котелке...
Орден Мужества — перелицованный русский Георгий —
на слегка оттопыренном чёрном твоём кительке.

*Если долго сидеть на берегу реки,
можно увидеть, как по ней
проплывёт труп твоего врага...*
Сунь Цзы “Искусство войны”

Дело не задавалось.
Времени вопреки
расположился даос
на берегу реки.
Солнце всю палило,
дума была долга,
и по реке проплыло
тело его врага...

Та ли у нас забота,
скрытая тальником,
если идёт охота
с пляшущим поплавком,
а оглядеться зорко
на комариный зов —
вновь надувает зорька
свой снегириный зоб?

То ли варяги-греки
давние ткани ткут,
то ли иные реки
в нашей земле текут —
не золотое дело
в северной стороне
ждать ледяное тело
на кровавой волне.

* * *

Екатерине Полянской

Так улеглось вековой доской,
стужею прихватило —
третью судьбу извести в людской
прадедовой квартиры.

Через расселину лет сквозит
память о давнем бунте —
не расслабляйся, мол: сик транзит
глория мунди...

Что этот город? Ни сват, ни зять —
призрак, святая перхоть...
Это нормально: однажды взять
да переехать.

Много ли нажитого? Легко —
как погорели...
А отпускает недалеко —
до параллели.

Вроде неблагостная страна —
тын да оградка.
Вроде и дело-то — сторона...
Да Петроградка.

* * *

Крепя сетями строп
стеклянную рубашку,
походит небоскрёб
на Мордорскую башню,
как будто во плоти
недрёманное око
готовится взойти
с туманного востока.

Но прямо за прудом,
а по мосту — окольно
на берегу другом
белеет колокольня,
и, не обелена
убийственной судьбою,
за ней — ещё одна
свечою голубою.

Сошлись — рекой подать —
на позвонке державы
с гордыней благодать
и Толкиен с Бажовым...
Упёрты правотой,
грядой береговою...
И не разлить водой —
ни мёртвой, ни живою.

* * *

Ночь, соединяющая с небом
дымное дыхание своё,
Усть-Сысольск заваливает снегом,
Сыктывкар затапливает снегом,
словно снег рождается из неё,
словно у невидимой границы,
обведённой светом фонаря,
он неприкасаемо хранится
втуне до святого января,
а потом струится без остатка
россыпями первовещества...

Ночи этой летняя изнанка
тоже незапятнанно чиста,
но судьбы вершина или комель,
а порою заметённых кровель —
догадайся, добрый человек,
встретить зиму — русскую ли, коми ль —
в городе встречающихся рек.

* * *

Когда не заново, а опять,
не по наитию и отточью —
привыкших поздно ложиться спать
не удивить новогодней ночью.
И сколько свежести ни готовь,

неугомонною переключкой
согласны опытные: любовь
переворачивается привычкой...

Воды и времени не рассечь,
но отмечаем хотя бы чаем
на пристанях ненарочных встреч —
и на течении различаем.
И на отчаяние не трать
бесперестанно души и тела:
когда без крови не оторвать —
не прилучилась, а прикипела.

* * *

Пускает кровь кредитной карте
живот творящая любовь.
У выходных на низком старте
ты в покупательском азарте
в “Ашане” или “Мегамарте”
кладёшь в корзину пять хлебов:
крестьянский с примесью ржаную,
лаваш, побитый рыжиною,
багет с надсечкой ножевой,
и свежвыпеченный белый —
ещё горячий, пышнотельный,
и — пользы ради — зерновой.

Оголодаешь на работе,
такое выдаст голос плоти —
по естеству, а не со зла...
А бестелесное украдкой
опять немеет над загадкой
ненарочитого числа.

ЫБ

*Елене Габовой
и Петру Столповскому*

На стенке дома в селенье Ыб —
лёгкая стайка летучих рыб,
как на волне или полотне.
Клёв невелик при большой луне,
где бы и взяться плоти плотвиц.
А может статься, то стая птиц...

Дерево изнемогло во мгле —
в чёрном тепле на сырой земле,
но, как на будущее крючки,
неистребимы его сучки —
жизни добавка, души припёк
за прораствание поперёк.

Из потревоженной целины
не возвращены, но возвращены,
это они на пытливый взгляд
против течения плывут-летят,

крыльями связывая следы
неба, земли и большой воды.

Не на приманку и не в узде —
только на тонком стальном гвозде
держатся, чтобы не унесло
полой рекой поутру село
в купах черёмух и древних ив
и его имя чудное — Ыб.

* * *

Иные книги нынелетние,
нам возводимые в закон,
напоминают: мы — последние,
кто пишет русским языком,
рябые рыбины подлёдные,
огнеупорные кроты,
седые птицы перелётные,
свалившиеся с высоты...

Не коршуны, но и не голуби,
из-под земли или воды
мы пробиваемся сквозь проруби
и потаённые ходы.
И как дыханье ветряное,
глотаемое сгоряча,
нам слово однокоренное,
понятное без толмача.

КАРАВАН АБДУЛ КАСЫМА

*Великий визирь Абдул Касым Исмаил,
который жил в Персии в X веке, нигде
не выезжал без своей библиотеки,
состоявшей из 117 тысяч томов...*

Интернет-легенда

Дорожки апельсинового сада
заря волною нежной окатила.
Настало утро, и Шахерезада
дозволенные речи прекратила.
К тяжёлому движению готовы,
перетирая палочки польни,
отдали сыромятные швартовы
навьюченные корабли пустыни.

Раскачиваясь медленно и мерно,
как если бы причисленные к сану,
они до Нишапура или Мерва
по древнему ступают Хорасану.
А после снова в ногу понемногу
с такой же ношей, медленно и хмуро
пускаются в обратную дорогу
в Газни от Мерва или Нишапура.

Наделены терпением верблюда,
погонщики, усталости не выдав,

пройдут повсюду, тянется докуда
обширная держава Газневидов —
единую вобравшие повадку,
из чёрной грязи поднятые в князи,
обученные строгому порядку
мудрёных завитков арабской вязи...

Лишь мёртвый или пьяница не спросит,
упившись до погибели в кружале:
— Чей это караван? И что вас носит
туда-сюда-обратно по державе?
Сбрела с ума верблюжья вереница,
хозяин ли в неимоверном раже,
и что такого ценного хранится
в усердно сберегаемой поклаже?

— Велением великого визиря, —
ответит предводитель каравана, —
в тюках ни разу не перевозили
мы ничего для тела и кармана:
ни редкостные финики и фиги,
ни золота увесистые слитки,
а только книги, праведные книги —
мудрейшие пергаменты и свитки.

Наверно, правоверные вовеки
с тех пор, как землю солнце осветило,
не ведали крупней библиотеки,
чем у Абдул Касыма Исмаила.
Работа или псовая охота —
за господином следуя в дорогу,
построенный от алефа до йота,
мой караван подобен каталогу...

Веками над благословенным краем
грома гремели, буря голосила.
Сегодня больше ничего не знаем
мы про Абдул Касыма Исмаила.
Знать, предпочёл всевидящий Создатель,
чтоб он остался в памяти как книжник —
как почитатель слова и читатель,
и как библиотекарь-передвижник.

Поток тысячелетия неистов —
перебираю вроде казначея:
ещё который из премьер-министров
в историю вошёл за книгочея?
И добавляет в утреннюю ласку
немного лёгкой горечи досада:
похоже, удивительную сказку
не досказала нам Шахерезада...